

84(2-632.1)

A285

А Р Ж А И
А Д А Р О В

После ттк

116710.

к.р.

С (АЛТ)

А 28 А. АДАРОВ

116710
23р.
017911
0

ПОДСНЕЖНИК

Горно-Алтайская Область

• БИБЛИОТЕКА •

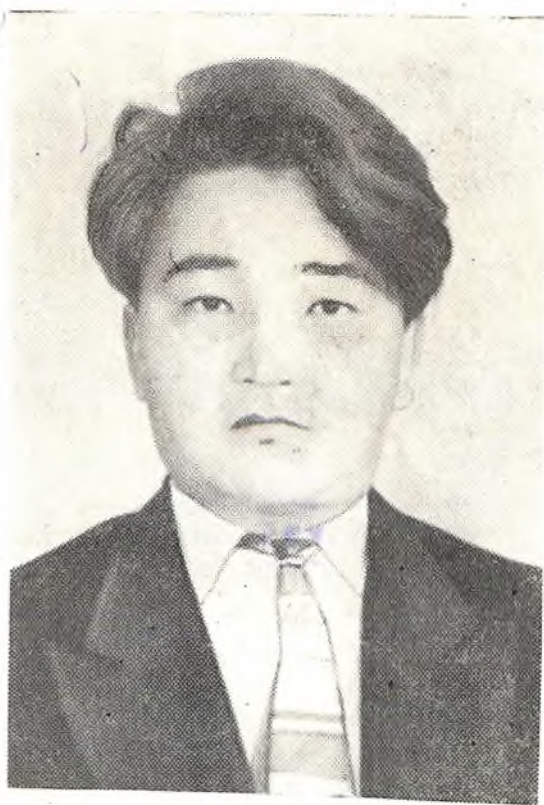
АЛТАЙСКОЕ

23

КНИЖНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1963

НА ПРОСЕКЕ ДРУЖБЫ

Подснежник — первый весенний цветок. Эта книга — первая у Аржана Адарова на русском языке.

Я помню долину Каярлык, где родился поэт, провел свое детство и школьные годы. Тридцать лет назад там стоял единственный дом бая Сапога, переданный — после раскулачивания — молодому колхозу. Все обитатели долины еще продолжали жить в юртах, сделанных из лиственничной коры. Колхозники только-только начинали рубить деревья, чтобы основать селение и построить первые избушки. Они стали учиться пахать землю, и колхозу понадобилась кузница. Старик Инойк научился у русских соседей ковать железо и стал кузнецом.

Но его больше знали, как одаренного сказителя. Под звуки самодельного топшура он по вечерам пел «Алтай-Бучай», «Малчи-мерген» и другие героические сказания о богатырях. Иногда это затягивалось до утра. Днем, в часы отдыха, старик рассказывал детям короткие сказки о зверях и птицах. Среди его слушателей часто бывали дети из большой семьи Ойынчи Адарова, колхозного чабана.

В летние вечера в долине частенько водили своеобразные хороводы. Люди вставали в круг, плечом к плечу, и, раскачиваясь из стороны в сторону, пели песни, сложенные тут же искусными запева-

лами. Такой хоровод по-алтайски называется ойын, а его затейники, или запевалы,—ойынчи. Отцу Аржана Адарова еще при рождении дали имя затейника такого хоровода. Больше, чем он, ойыны любила его жена. Она пела песни и в хоровах и на горных лугах, где пасла колхозных овец.

Ойынчи Адарова избрали председателем Елинского сельисполкома, потом он был председателем сельпо. Но семья не порывала с колхозом, и дети с малых лет приучались к пастушескому труду.

Не имея партийного билета, Ойынчи Адаров «коммунистом был всей своею душой», как написал впоследствии его сын. Адаров-отец погиб в боях за Родину. Осталось семеро детей. Один из них — Аржан. Колхоз помог вдове, всегда считавшейся среди пастухов и чабанов в числе лучших, поднять детей на ноги, посадить в седло. Все окончили школу, трое получили высшее образование.

В летние каникулы мне не удавалось застать Аржана в селе. В правлении колхоза всякий раз отвечали:

— Уехал верхом к матери. Далеко в горы. Вон туда. — Показывали на Теректинский хребет, где на высоких вершинах гор сияли вечные снега. — Туда откочевала ферма. Пасут овец...

В полдень отары обычно отдыхали на полянках среди гор и лесов. Аржан, недавно постигший грамоту, наизусть читал своим младшим братьям и сестренкам стихи Пушкина, переведенные на алтайский язык Павлом Кучияком. Читал он и оригинальные стихи этого талантливого поэта Горного Алтая.

Позднее А. Адаров написал взволнованные строки:

По склонам гор, что в дымке спней,
Пасти отару я привык.
Там запах я вдыхал полыни,
Там песни пел я, Каярлык.

Однажды лесом шел смолистым,
Шел босиком я напрямик,
От трав и от цветов душистых
Вмиг опьянел я, Каярлык.

Свою звонкую, веселую реку он называет исцеляющим родником. Этот родник дал ему жизненную силу, и А. Адаров говорит о родном селении, названном по имени реки:

И без тебя, как и без песни,
Жить не могу я, Каярлык.

Но силу его поэтическим крыльям дали не только и даже не столько народные песни, сколько повседневная связь с жизнью своего народа и знакомство с детских лет с лучшими произведениями величайших русских поэтов, чье творчество сыграло огромную роль в зарождении и развитии художественной литературы алтайцев, отпраздновавших в прошлом году 40-летие своей автономной области.

Первые стихи Аржана Адарова были напечатаны в областной газете «Алтайдын чолмоны» в 1950 году, когда начинающий поэт заканчивал десятилетку в с. Онгудай. То были стихи о Чүйском тракте. Они нигде не перепечатывались: поэт вскоре же почувствовал их примитивизм. Позднее об этой основной транспортной артерии Горного Алтая, где «жизнь проходит, как песня», он написал новое стихотворение.

В 1952 году мы провожали в литературный институт им. М. Горького трех юношей. Двое из них — Эркемен Палкин и Лазарь Кокышев — только что закончили десятилетку. Аржан Адаров, получив среднее образование, два года поработал в колхозе, помогая семье. Каждым из трех юношей было опубликовано в местных газетах всего лишь по несколько стихотворений. Их поэтическая способность не столько чувствовалась, сколько предполагалась в своем будущем развитии. Не рискованно ли было юношей, не видевших ни большого города, ни железной дороги и только что вступающих в жизнь, отправлять в Литературный институт? Были опасения, что они не пройдут по конкурсу, что едва наметившиеся поэтические ростки могут завянуть.

— Ну что же? — говорили тогда люди, которым предстояло решить этот вопрос. — Рискнем... Если не вырастут в поэтов, могут стать по окончании института грамотными редакторами, литературными сотрудниками в газетах, на радио...

К чести Литературного института и нашей общей радости они вернулись сформировавшимися поэтами. С тех пор прошло не многим более пяти лет. И у каждого из трех молодых поэтов уже вышло по три—четыре поэтических книжки на родном языке, опубликованы повести и рассказы, появился первый алтайский роман. Молодые литераторы перевели на алтайский язык многие произведения русских классиков и наших современников.

Книги двух друзей — Лазаря Кокышева и Эркемена Палкина — изданы в Москве на русском языке. И вот сейчас выходят в переводах на русский избранные стихи третьего воспитанника Литературного института — Аржана Адарова.

Творческому росту этого поэта, да и всех других поэтов Горного Алтая способствовала тесная дружба с русскими поэтами. Многие сделали, переводя с алтайского языка на русский, поэты, живущие в Новосибирске.

Слово «аржан» в переводе на русский язык означает родник, целебный источник. Поэзия Аржана Адарова, одного из талантливых молодых поэтов Горного Алтая, светла и чиста. Это — приятный родник.

Об общественной направленности своего труда поэт пишет:

Свой нужный труд
Не за корысть люблю —
От сердца к сердцу
Просеку рублю.

В прежнее время между сердцами русских и алтайцев, за исключением самых передовых и прогрессивных людей, стояла дремучая тайга. Даже соседи мало знали друг друга. И нелегко было пробиться сквозь эту тайгу. Да и семена дружбы проросли не сразу.

Но вот уже давно прорублены от сердца к сердцу широкие светлые просеки. Они радуют и волнуют. Они проложены самим народом. И не зарастут никогда. А дерево дружбы, семечко которого было посеяно в дни боев за власть Советов на Алтае, подымает, как могучий кедр, свою богатую крону все выше и выше.

Братская дружба — наша величайшая ценность. Это — сама жизнь.

«Подснежник» Аржана Адарова — один из весенних цветов на просеке дружбы.

А. КОПТЕЛОВ.

ВСПОМИНАЯ
ГОДЫ
ОГНЕВЫЕ

ОГНИ

Любое сердце может замолчать.
Но вечно будет сердце Ильича
Стучать в людских сердцах, не умолкая!
Его слова звучат в горах Алтая.
И образ Ленина живет в горах Алтая.
Он дал нам жизнь,
Он вдохновенье дал,
Огни зажег среди угрюмых скал.
А было так.

Аилов одиноких

Глухая тьма...

Блеснет в полночный час

Сквозь щели юрты, будто волчий глаз,
Неяркий огонек —
И снова мрак глубокий.
Как в омут, всадник запоздалый канет,
Ушей коня, и то не различит.
На миг один

лишь молнии сверканье

Ему дорогу осветит в ночи.
Прошли те времена!

Порою поздней
Иду по улице. Она светла, как днем.
И окна яркие домов колхозных
Смеются в ночь: «Мы счастливо живем!»

КОММУНИСТ

Членом партии не был он — мой отец,
Не хранил на груди партбилета.
С белой бандой отважно бился
в горах, —
Сабли след на щеке говорил про это.

Членом партии не был он — мой отец,
Основав наш колхоз и школы построив,
Не заполнив анкеты,
На учет партийный не встав,
Шел в ряду коммунистов-героев.

Членом партии не был он — мой отец,
Но и жизнь ей отдать был рад он.
До последнего вдоха
Ей служил, как солдат,
В сорок третьем — под Волгоградом.

Членом партии
Не был он — мой отец, —
Ни по списку, ни по партийному стажу.
Коммунистом он был всей своею душой,
Всем сердцем своим
И кровинкою каждой.

Сколько их — коммунистов,
Таких, как отец, —
Миллионы в великой семье единой,
Породнившей навеки партию и народ.
Всемогущий, непобедимый!..

МЫ — СОЛДАТА СЫНЫ

Был ребенком, мой брат, тогда ты...
На фронт уходил наш отец солдатом.
Нас печаль, как ночь,
Омрачила в тот час.
Ты, в ладошки захлопав,
Пустился в пляс.
Несмышленишь,
Смеясь, напевал ты о том,
Как отец возвратится героем
В наш дом
В долгополой шинели,
В наплечных ремнях,
Со звездой на шлеме, медалью звеня...
Не вернулся с войны наш отец назад...
Мы росли и мужали — за братом брат,
Встали вместо него мы —
Четверо в строй.
Вот и ты уж со службы
Вернулся домой.
Защищая Россию, пал отец наш в бою,
Завещав нам отвагу и верность свою.
Если враг вновь раздует
Костер войны,

Бой принять мы готовы —
Солдата сыны.
Не зря в нашем доме,
На вешалке в ряд,
Наготове четыре шинели висят.
Если грянет над миром
Ядерный гром,
Как отец наш,
За Родину биться пойдем, —
В наших серых шинелях,
Как один вчетвером.

КОММУНАРЫ

Здесь коммунары спят, не видя снов,
Сном непробудным, тихим, вечным.
Над ними — пряный аромат цветов
И алый свет звезды пятиконечной.

Там Чолушман-река шумит. Над ней
Нависли горы молчаливым строем.
И шепчет старая сосна сосне:
«Здесь пали безымянные герои...»

Оделся тополь в праздничный убор,
Гуляет ветер в тростниках низовый,
Вздыхают пихты, наклонившись с гор:
«Они погибли ради жизни новой...»

На солнце окна школьные горят.
И яблони стоят в весеннем платье.
И горы вторят голосам ребят:
«Герои умерли за наше счастье...»

....Кайру,*ты помнишь ночь,
Когда враги

* Кайру — правый приток реки Чолушман.

116710.

Ползли в долину сонную украдкой?
...О, как тихи бандитские шаги
И как штыки сверкали
 перед схваткой!..

Герои пали. Только мысли их
В горах остались, засверкали новью.
На месте павших — тысячи живых,
Дела отцов живут в делах сыновних.

Их имена не вписаны в гранит —
В людских сердцах им вечная прописка.
И — нет! — не мрамор славу их хранит,
А строгих гор крутые обелиски...

НА
РОДНОЙ
ЗЕМЛЕ

З. А. Адаров.

КАЯРЛЫК

Меж скал крутых и недоступных
 Звенел и искрился родник.
 В твоих лесах высоких, шумных
 Узнал я радость, Каярлык.

По склонам гор, что в дымке
синею,
 Пасти отару я привык.
 Там запах я вдыхал полыни,
 Там песни пел я, Каярлык.

Однажды лесом шел
смолистым,
 Шел босиком я напрямик,
 От трав и от цветов душистых
 Вмиг опьянел я, Каярлык.

Носил на сердце много ран я,
 Но исцелил их твой родник.
 Ты дал мне мужество
в дерзаньях,
 Ты дал мне крылья, Каярлык.

Я сын твоих вершин небесных,
Долин и речек голубых.
И без тебя, как и без песни,
Жить не могу я, Каярлык.

БРАТ

Мой брат — кузнец.
Он чародей — у горна.
Ты, друг, таких умельцев
не видал.

Тяжелый молот мягко и проворно
Послушной воска делает
металл.

Поет металл...
И песня льется в небо.
Рождает молот
Зубья, лемеха...
Я, наблюдая, думаю:
«И мне бы
Вот так ковать детали
для стиха!»

Но слово тверже всякого
металла.

Не гнется слово...

Этакий сырец!
— Ты стих, видать,
накаливаешь мало! —
Сказал мне, улыбаясь,
брат-кузнец.

ЧУЙСКАЯ ДОРОГА

Чуйская далекая дорога,
Вся покрытая седой землей,
Чуйская далекая дорога,
Вьешься ты по склонам гор змеей.

На хребте высокой Вечной Гривы
Ты, как перекинутый аркан,
В тучах наверху твои извивы,
А внизу нырнула ты в туман.

Чуйская далекая дорога,
Песня спутницей твоей была,
Чуйская далекая дорога,
Жизнь, как песня, по тебе прошла.

У шофера век в пути-дороге.
Ты длинна, трудна — не отдохнуть.
Вон Катунь пенятся пороги...
Пой, водитель, — веселее путь!

Коль машины сердце замолчало,
С нею вместе мерзнет и шофер.

Стонет ветер, запевая в скалах,
И сугробы — как подобья гор...

По дороге счастье пролетало,
И беда встречала на ходу,
С каждым поворотом поджидала,
Сосны запевали про беду.

Но, встречая ветер, снег и бурю,
Фары протыкают темноту.
Не смыкай глаза, шофер, понурясь,
Руль держи, ведь ты же на посту!

Вот Чике-Таман!..

Поют метели,
Дремлется шоферу — он устал.
Шум Катуня слышен еле-еле,
И задумались громады скал...

Чуйская дорога пробегает
Током крови, что живит сердца.
Путник песню тихо напевает...
Горы спят.

И нет пути конца...

УРСУЛЬСКАЯ ГЭС

1

Ревет ошалело Урсул-река,
Волны о камни бьют,
С дальних гор облака, облака
Над Урсулом плывут.
Вот так проплывали над ним века,
Шли да шли чередой.
Без всякой пользы бежала река,
Ворочая камни водой.
И вот через горы, через лога,
Туда, где кедрач плечист,
К зеленым скалистым
 речным берегам
Пришел Эртечи-коммунист.
Много дней инженер под кедами жил,
Разведывал эти места,
Электростанции чертежи
Готовил на плотных листах.
Будут по селам сверкать в ночи
Колхозной ГЭС огоньки.
За тем и пришел инженер Эртечи
На берег Урсул-реки.

Утро.
Безоблачный горизонт.
Последняя гаснет звезда.
А на Урсуле развернут фронт —
Фронт большого труда.
Люди приехали издалека,
Машины кругом снуют.
Пенясь, шумит разъяренно река,
И волны о камни бьют.
Рушатся древние горы,
Пилы вгрызаются в лес.
Это значит, что скоро
Встанет Урсульская ГЭС.
В труде горячем, упорном
Проходят стремительно дни.
Это значит, что скоро
Зажгутся электроогни.
И вот утихла стремнина,
Смирила свой ярый бег:
Перехватил плотиной
Русло реки человек.
Глядит Эртечи на горы
И видит он, как туда
Проворные тянут монтеры
Звенящие провода.

Вечерние пляшут тени,
Становится все темней...
Рубильник включил с волнением
Старый пастух Тужемей.
Сотнеголосым гулом
Вздохнула долина в ответ,
Когда над седым Урсулом
Вспыхнул электросвет.
Ночь провалилась в щели,
Всюду, куда ни взгляни:
В селах, на кручах, в ущельях —
Всюду огни, огни.
Нет, не было жизни краше,
Чем в эти счастливые дни:
Над деревней колхозной нашей
Горят коммунизма огни!

ЗВЕЗДА

Как будто звезды ближе стали
В тот день в моем родном краю:
Ведь мы до них рукой достали
И к ним прибавили — свою!

Летит, плывет звезда Советов
У дерзкой мысли на крыле.
Невелика — но сколько света,
По сути, шлет она Земле!

И шар земной по всем широтам
Рукоплесканьями гудит,
И век двадцатый за полетом,
Закинув голову, следит.

Горжусь, что вырос в годы эти,
Горжусь, что школу их прошел,
Что не в учебнике — в газете
О первом Спутнике прочел.

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Ковром цветисто узорным
Стелются вокруг
Родного поля просторы,
Жарко цветущий луг.
Как стражи, высь заслоняя,
Вершины гор
Хранят покой родимого края,
Вечный несут дозор.
Кедр — великан широкоплечий
Думами обременен,
Как старый кайчи,* мне шепчет
Сказки былых времен.
Как девушки-пересмешницы,
Вокруг меня
Березки под солнцем нежатся,
Листвой лепеча и звеня.
В родной долине, как в колыбели,
Навзничь лежу,
Будто дитя, наяву — не во сне ли? —
На мир, улыбаясь, гляжу.

* К а й ч и — сказитель.

Как колыбельную песню слышу
Из милых уст —
Овцы звучно жуют и дышат —
Сочных травинок хруст.
Блеяние златорунных
Резвых ягнят,
Словно симфонии струны
В ушах у меня звенят.
Укусный запах шерсти,
Цветов аромат,
Вливаются в грудь мою вместе
И сладко меня пьянят.
Ягнята, сподвижники милые
Ребячьих утех,
С пеленок с вами дружил я,
Делил и слезы и смех.
Играл, состязался в беге,
Охотничал, кочевал,
Переpravлялся вброд через реки,
На голубой всходил перевал.
Коль кто-то из вас, в пути слабея,
Валился без сил, —
Беднягу на руки брал себе я,
Через расселины переносил.
Когда вы под ливнем дрогли,
ягнята,
От стужи зим, —
За пазуху я замерзающих прятал,
Телом отогревал своим.

Когда приходилось овцам круто —
Иссякал корм, —
Сам оставаясь без крохи курута,*
Вас отпаивал молоком...
Долины и горы, луга и отроги
Родной земли...
Мои босые сильные ноги
По вам тыщи раз прошли.
Средь ваших копытец-следов, ягнята,
За много лет,
Моих, словно каменных, черных пяток
На пастбищах виден след.
Милая сердцу пора бывая,
Промчалась ты.
Как небо, огнем голубым пылая,
Растут тандалай-цветы.
Трудностей выпало в жизни немало,
Путь мой тяжел.
Но песня всегда мне жить помогала,
Повсюду я с нею шел.
Было мне все с этим звонким даром
Под силу и стать —
Пахать, косить и пасти отары
И в горную высь шагать...
Снова вернулся в родные места я,
В родном краю

* Курут — сыр домашнего приготовления.

Простые милые песни Алтая
С вами, друзья, пою.
На поле, от счастья смеясь и плача,
Лежу ничком.

Бесенок глазастый —

кудрявый баранчик

Лижет руку мою горячим

Влажным своим язычком.

Узнал меня, друг? —

Горят искрометные

В глазах огоньки.

Эх, скину-ка я свои туфли модные,

Да босиком с ним — наперегонки!

Ласкаясь к родной земле,

как ягненок,

Прижмусь щекой

Иль в хороводе берез и сосенок

Пляской пройдусь лихой...

Кажется, целую вечность здесь не был

И вот — пришел!

Родное поле, родное небо —

Зеленый и синий шелк.

Сейчас для меня он еще голубее,

Теплей, милей...

Как в материнской я колыбели,

В море цветущих полей.

СКАЗКА И БЫЛЬ О ЗВЕЗДАХ

Жил-был в селении нашем дед,
Как заяц в зимнюю пору, сед.
Лишь вечер — сбегались в его мы аил —
Он сказывать дивные сказки любил.
Звездную синь окинув глазами,
Трубку куря, начинал он сказанье,
И слово за словом — нас уводил
В волшебное царство ночных светил,
К сверкающим нас возносил небесам, —
Казалось, творил он Вселенную сам —
Седой чародей, всемогущий маг,
С длинной дымящейся
Трубкой в зубах...
А сверху, мигая миллиардами глаз,
Загадочно звезды глядели на нас.
Энир Чолмон—молода и светла,*
Синий таинственный свет лила
На доли и горы, на мир земной,
Сияньем соперничая с Луной...
— В ту сторону неба,
Детки, взгляните —

* Вечерняя звезда (Венера).

Откуда приходят к нам
Снег и мороз, —
Видите там, будто связаны нитью,
Семь студеных сверкает звезд —*
Семь Ханов — так у нас на Алтае
Истари их называет люд.
Слушайте, я расскажу вам, что знаю
О том, почему их так люди зовут..
Давно-давно это было, с тех пор уж
Не раз менялся и лик земли —
Сгорбились и поседели горы,
Многие реки вспять потекли..
Алтаем семеро ханов правили —
А над ними царили всегда
Волчья алчность,
Междоусобная травля,
Зависть злобная и вражда.
Когда для набегов и для разбоя
Стала ханам земля тесна,
Большую войну затеяли меж собою —
Семьдесят лет не стихала она.
Кровь народа лилась рекою,
Над нею пар и туман поднялись, —
На закат взгляните — и ныне тою
Пылает кровью заря и высь..
Дед чубуком своей трубки погасшей
Направил глаза раскрытые наши

* Большая Медведица.

Туда, где гордо высилась голубая
Вершина далекого Тулубая;
За нею атели, как кровь, зарницы,
Их жаркий свет обагрил нам лица...
— Однако нашелся в народе смелый,
Чудесной силы и мудрости человек, —
Горы один передвигать умел он,
Буйных рек останавливать бег.
Вступив в поединок с семью ханами,
Вмиг разгневанный богатырь
В звезды их всех обратил бездыханные
И зашвырнул в необъятную ширь.
В небесных пространствах,
По вечному кругу,
Мчатся одна за другой до сих пор,
Готовы опять вцепиться

друг в друга,

Снова затеять кровавый спор...

Так вот свершилась

Над жадностью, злостью

Победа мудрости и добра...

На этом и сказке конец...

Да и просят

Покоя мои стариковские кости,

И вам, дружки мои, спать пора...

А мы еще в мире витаем звездном,

Очнувшись, шумим:

«Не поздно, не поздно,

Совсем никого не клонит ко сну,

Еще расскажи нам
Хоть сказку одну!»
Дед трубку снова набьет табаком,
Раскурит ее из костра угольком,
Подумав, нам задает вопросы,
Но мы, притаив дыханье, молчим...
— А ну, отчего бывают морозы?
Скажите-ка мне, почему Мечин*
Только зимой в полный свет сверкает
И меркнет, потом исчезает летом?
А почему в родниках
Вода всегда ледяная?
Так уж и быть — расскажу об этом.
Вон — среди самых крупных созвездий,
Будто россыпи битого льда,
Искрится Мечин. Когда-то на этом месте
Сияла одна большая звезда.
Всегда, как лед, прозрачна и холодна,
Спасаясь от солнца знойных лучей,
На землю с небес спускалась она,
В какой-нибудь пряталась
Горный ручей.
Потому в родниках, где эта звезда
Лежала, летний пережидая зной,
Сейчас так светла, студена вода,
Сверкает, не застывая даже зимой.
Однажды звезда из ручья в голубое

* Мечин — Плеяды.

Небо совсем собралась возвратиться,
Но тут с пастьбы пришли к водопою
Конь и корова — напиться.
Коснулись губами воды — холодна
Так, что язык к зубам примерзает,
И ледяными лучами со дна
Звезда бьет в глаза им.
Конь заржал: «Размозжу, размечу
Одним копытом ледяшку эту!»
Корова мычит: «Нет, я ее проучу —
Вдавлю ее в землю,
Не взвидит свету!»
И на звезду всей тушей сытою
В ручей корова ухнула быстрый,
Из-под раздавленных копыт ее
Брызнули с треском
Осколки и искры —
Частицы разбитой звезды ледяной,
Сверкающей пылью взвихрились ввысь,
И в небе, на месте звезды той одной,
Тысячи крошечных звезд зажглись.
С тех пор — из россыпи этой
Звездной,
Как звездочек малых стаи,
На землю падает снег, и морозы
Стали сильнее у нас на Алтае.
Это Мечин — поныне полна обиды,
Мстит земле пургою и холодом
За то, что коровьим копытом

Разбита,
В ручье на мелкие части
Расколота...

* * *

Много лет пролетело и воды утекло,
Вернулся я снова в родное село.
В первый же вечер на улице слышу
Мальчишки орут, влезая на крыши:
— Спутник, спутник летит!
Да вон же, вон он —
За толубаем, над небосклоном!..
Гляжу я в звездную высь — лучистой
Алой звездочкой спутник мчится.
И звезды, пред ним отступая во тьму,
Приветливо подмигивают ему...
Как в детстве, в высь гляжу я
Взволнованный,
Не сказкой, а былью чудесной, новой,
Звездой, сотворенной
Не силой волшебной —
Народом нашим посланной в небо!..
Жил бы сейчас наш кайчи —
Мудрец престарелый,
Как на это живое чудо
Он посмотрел бы
И какую сказку сложил бы,

Видя, как над Алтаем
Звезды новые зажигаются и летают?
Может, так он сказал бы:
— Этот спутник и вестник
Добра и мира, — летит к созвездьям,
Чтоб Семь Ханов,
Враждующих меж собой,
Уже никогда не смели
Новый затеять бой,
Чтобы воцарился всюду —
От земли до звезды —
Вечный мир и счастье,
Без ненависти и вражды,
Чтоб и Мечин, забыв, что было
И навсегда прошло,
С землей опять подружилась,
Дарила бы ей тепло.

* * *

Где начало, где конец Вселенной?
Нет ей ни начала, ни конца!
Смотрят люди с жаждой неизменной
В звездный мир —
Как мальчишки с крыльца.
Тысячи вопросов ждут ответа.
Звезды интригующе молчат.
Скоро межпланетные ракеты
К ним сквозь время
В гости нас домчат.
Но — неутоленной, неизменной
Жажда сердца будет жить и там.
Где начало, где конец Вселенной?
Где начало, где конец мечтам?..

РУКИ

Они трудились много, вечно, щедро,
Не зная лени — эти две руки.
Крепки их пальцы, словно корни кедра,
И, как поля, ладони широки.

На них с годами жилы стали резче,
И кожа загубела, что кора.
Они для трубки, как стальные клещи,
Берут горячий уголь из костра.

Они траву пластали и стелили,
В лугах косой отточенной звеня,
Они в далекой юности валяли,
Схватив за гриву, доброго коня...

Посыпал пепел смоляные пряди,
На лбу невзгоды провели черты,
Но поселилась
В просветленном взгляде
Задумчивая мудрость доброты.

Сидит, глаза в дыму табачном щуря,
Как старый кедр, в тумане видный чуть,

Над ним промчались годы, словно бури,
Но не смогли сломать или согнуть.

Порой скучают без работы руки.
Недолго на коленях полежат —
И мастерят, чтоб радовались внуки,
Из дерева зайчат и медвежат.

А ночью зимней —
Долгой, синей, снежной,
С мороза отогретые в тепле,
Вдруг, грубые, струны коснутся нежно —
И песня возникает на земле...

РАЗГОВОР С ЧОЛУШМАНОМ

Не песни ли с твоей волной играют? —
Ты многие колышешь, Чолушман, —
Их за тобою горы повторяют,
О чем они, ты слышишь, Чолушман?

Скажи скорей, откуда это пенье?
Оно в сердца стучится, Чолушман.
Но пенье то без слов, без пояснения,
Про что в нем говорится, Чолушман?

Ты шепчешь мне:
«Тех песен нет чудесней...»
Я это знаю тоже, Чолушман.
Но, что же ты скрываешь
В этих песнях,
На лунный свет похожий, Чолушман?

Тебе видны насупленные скалы,
Клочок небес над кручей, Чолушман,
А песням вторит кедр зеленопалый,
И ты качаешь тучки, Чолушман.

Иду по тропке тихими шагами
Вслед за тобой, веселый Чолушман,

Беседую с тобой и с облаками,
И длинный путь не долог, Чолушман.

Но заспешил ты, и, прощаясь, волны
Твой берег целовали, Чолушман,
И песнь без слов,
Глубокой тайной полный,
Опять запел ты в далях, Чолушман.

А я один ищу для песни слово,
Простясь, стою поодаль, Чолушман,
И сердце переполниться готово,
Чтоб песне дать свободу, Чолушман!

У ОГНЯ

На горе, беснуясь, вьюга злится.
Ветер бьет в оконное стекло.
Но в печи огонь дрожит, искрится,
И струится в душу мне тепло.

Свет и тишь — ни шороха, ни шума, —
Только ветер в законной мгле.
И легко дыханье, чисты думы,
Сладко ноют мускулы в тепле.

А в трубе гудит, желтея, пламя.
Хорошо сидеть мне у огня,
Воскрешая о дороге память,
Что сквозь вьюгу вывела меня.

Лучшей песни ты, огонь, достоин —
Ты морозу не даешь войти...
Друг-огонь,
И в сердце будь, как воин,
Чтобы холод побеждать в пути!

Ты со мной — и пусть пурга курится,
Пусть лютует вьюга за окном...

С другом за ночь не наговориться —
Я не одинок с тобой вдвоем.

Путник, по тайге бредя сквозь вьюгу,
Заверни на мой огонь в ночи,
И, согревшись, спой-ка песню другу,
Ту, что жарче пламени в печи.

ЧОЛУШМАНКА

Чолушманка танцевала,
Тонкий стан, кружась, сгибала,
Башмачки хоть были стары —
Каблучки стучали в лад.
Чолушманка танцевала,
Пыль под полом подымала,
Чолушманка улыбнулась —
Покорила всех подряд.
Пусть подол ее не ровен —
Где короче, где длиннее,
Но смеется чолушманка —
Зубы белые, как снег.
Нет, наряд ее не блещет,
Может, он других бледнее,
Но она не унывает. —
Юный, гордый человек.
Чолушманка танцевала,
Тонкий стан, кружась, сгибала,
Рот открыв, смотрели парни,
Перед ней склоняясь ниц.
Чолушманка песню пела,
То на комусе играла,

И глаза ее смеялись
Из-под вскинутых ресниц.
Не шелка на ней надеты,
На ногах не туфли-диво,
Все же стройности не скроешь
Под одеждою простой!
Не умела одеваться,
Просто знала, что красива,
И, прекрасная, блистала
Светлой утренней звездой.
Чолушманка танцевала,
Тонкий стан, кружась, сгибала,
Башмачки хоть были стары —
Каблучки стучали в лад.
Чолушманка танцевала,
В сердце искру зажигала,
Улыбнулась — непокорных
Покорила всех подряд!..

ГОРНАЯ РЕЧКА

Шумна, быстра и говорлива,
Неутомима и мила,
Ты мчишься, прыгая игриво
По камням, как слеза светла.
Куда — то прямо, то колечком —
Ведешь серебряную нить?
Где силы наберешь ты, речка,
Чтобы тугой гранит пробить?
Ты далеко от гор могучих
Не оторвешься, не уйдешь,
И где-нибудь в песках зыбучих
Ты безымянная умрешь...
А речка, смолкнув у порогов,
В ответ мне тихо шелестит:
— А ты один, скажи, дорогу
Сумеешь длинную пройти?
Ты прав: дорога не легка мне.
На неизведанном пути
Не сдвинуть мне большие камни,
Через пески не перейти.
Но мы, неназванные речки,
Вспоили ширь большой реки,
Что морю вольному навстречу
Мчит через камни и пески.

КОНЬ

Мой конь—
я друга вижу в нем—
С дороги не собьется,
И козких троп подъем крутой
Возьмет, не поскользнется.

Корми его, водой пои,
Храни ты пуще глаза!
Куда спешат мечты твои,
Поймет он, чуткий, сразу.

Он довезет тебя туда.
И что устал,
не скажет.
Люби, корми зерном всегда,
И он в пути не ляжет.

Ведь с незапамятных времен
Конь — верный друг алтайца.
Ружье без промаха, да он —
Богатство для алтайца.

Я до сих пор не позабыл,
Как плакал конь когда-то,
Как ласки ждал, копытом бил:
Шел мой отец в солдаты...

OT
СЕРДЦА

K
СЕРДЦУ

ПОЭЗИЯ

Рожден в краю
Суровых синих скал,
Я легкой славы
В жизни не искал.

Я никогда
Хвалителям не льстил,
Я никогда
Хулителям не мстил.

Мне незнаком
Самодовольства груз,
И зависть
Я не пробовал на вкус.

Я к людям шел
С открытою душой,
Беду чужую
Не считал чужой.

И счастьем друга
Счастлив был сполна —

Поэт
И сын простого чабана!

Пусть иногда
Мой стих бывает груб:
Я — рядовой
Работник-лесоруб.

Свой нужный труд
Не за корысть люблю —
От сердца к сердцу
Просеку рублю!

Поэзия!
Услышь простую речь,
К твоей вершине
Дай ступенькой лечь

Для всех, с кем я
Дружу в стране родной,
Для всех, кто рядом
Трудится со мной.

Хочу, чтоб в каждом
Доме ты жила,
Хочу, чтоб в каждом
Сердце ты цвела...

И если трудно
Будет иногда,
Я повторю,
Что это — не беда:

Рожден в краю
Суровых синих скал,
Я легкой славы
В жизни не искал!

МОЯ ПЕСНЯ

Овечьей шерсти запах кисловатый.
Улыбкой — месяц в зеркале ручья...
Труды и дни, рассветы и закаты —
Все это ты, поэзия моя!

Ты — горы заповедного Алтая,
Ты — песнь чабанки, матери моей,
Ты — все, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей...

Ты — век. Ты — жизнь,
То добрая, то злая.
Сибирь. Москва.
Пути в межзвездной мгле.
Ты в час предгрозя —
Первая, сквозная
Медлительная капля на стекле...

Пусть буду брошен женщиной родною,
Пусть предадут случайные друзья,
Все вынесу —
Лишь будь всегда со мною,
Всегда, во всем, поэзия моя.

Иного счастья не ищу на свете,
Чем день за днем с тобой
Встречать зарю,
С тобою вместе — быть за все в ответе
И знать, что людям правду говорю!

Я люблю тебя, Родина,
Каждой слезой,
Я люблю тебя, Родина,
Каждой улыбкой.

Чуть сощурюсь —
И горы встают полосой,
Чуть прислушаюсь —
Бор
запевает,
как скрипка...

ПОДСНЕЖНИК

Весны ты вестник голубой —
Отважней нет на свете:
Сквозь снег пробился головой,
Тебя качает ветер.

Осколком неба в блеске дня
Синеешь с белым рядом,
Волнуешь радостно меня
Ты скромностью наряда.

Когда собрался милый в путь,
Тебя дала на память:
— Подснежник наш не позабудь
Меж новыми цветами...

Сказала: будь всегда, везде,
Ты чистым, как подснежник.
Сказала: в жизни и в труде
Будь первым, как подснежник.

ТАНДАЛАИ

По расщелинам в горах Алтая
Есть цветы с названием — тандалаи.
Синие, пахучие, родные,
Те цветы, как звезды,
но земные.

Пастушонком я срывал их, зная,
Как в морозы стойки тандалаи.
Есть другие, хоть цветут богато,
Но души в них нет и аромата.

Мне напоминают тандалаи
Наших скромных девушек-алтаек,
Тех, что по горам пасут отару,
У которых —
за горами старость!

СТРУНЫ

Из тонких жил — сердечных нитей
Сплету я каждую струну,
Скручу,

совью,

велю: «звените!» —

И на топшур их натяну.
Они поют, полны любовью,

Как ты красива и горда.

Они поведают о боли,

Но не заплачут никогда!

А ты не веришь, ты не веришь,

Стоишь со мною у реки,

Цветок

в руке

смущенно вертишь

И рвешь,

гадая,

лепестки.

Но если лгу я, дорогая,

Пусть лопнут струны в синей мгле.

Ах, эти ночи на Алтае

И песни кедра на скале!..

* * *

Или это мне приснилось?
Горы. Тишина...
К мягкой тучке прислонилась
Желтая луна.

Слышу — сердце ли стучится
Громче в тишине,
Или вправду кто-то мчится
На коне ко мне?..

* * *

Я тебя не тороплю,
Сердце, жди.
Не спеши сказать «люблю»,
Сердце, жди!

К нам весна вернется вновь,
Сердце, жди...
Настоящую любовь,
Сердце, жди!

О ТЕБЕ

Я в далеком клубе на Алтае
Услыхал твой голос в песнях гор.
Пелась так мелодия родная,
Как никем не пелась до сих пор.

В ней Катунь свою копила силу —
Ропот волн навстречу ветерку, —
Песнь меня крылами уносила
На вершину гор Яламанку...

В городе потом тебя я встретил —
Здесь в большом театре пела ты,
Словно в зал внесла при ярком свете
С гор любимых травы и цветы.

А теперь ты держишь путь в столицу —
Там учиться, чтобы лучше петь.
Рвешься ввысь, как молодая птица,
Что за песнь способна умереть!

Мать из дома ехать не пускала,
Все просила не бросать села..

Но, чтоб ты назад не отступала,
Песнь велела и мечта звала.

В край родной вернешься ты, я знаю,
Я тебя услышу снова там,
И певиче — девушке с Алтая —
Я от всех спасибо передам.

* * *

Журавлей не слышно над селом,
По дороге лист последний мчится,
Речка Чолушман покрыта льдом,
Под окном опять пурга кружится.

Ночи длинны... Ветер на лету
Воет в трубах...
Снег и снег за рамой...
У окошка косы я плету...
Что же ты поешь так грустно, мама?

Писем нет от друга.
И в туман
Путь ведет, сугробами одетый...
В Улаган не ходит караван,
Видно, письма затерялись где-то.

Но снега ручьями станут течь,
Перевал пропустит весть от друга,
И, приблизив время наших встреч,
Журавли опять вернуться с юга!

ЧЕРЕМУХА

Сколько весен уже
Пролетело с тех лет,
Невозвратных, с другими не схожих...
Но пьянящий весенней черемухи цвет
Мое сердце, как прежде, тревожит.
А в душе, в глубине ее,
Дум моих клад.
Им там так неуютно и тесно...
Я сержусь на себя: это я виноват
В том, что милой они неизвестны.
...А черемуха белая, как молоко,
Лепестки ее словно смеются...
Эти дни позади, далеко-далеко,
К ним уже невозможно вернуться.
Как весны ветерок,
Я был весел тогда,
Равнодушен к молочному дыму,
Я не думал о том, что уходят года
И что молодость неповторима.
Слов единственно верных
Тогда не сказал
Я девчонке чернявенькой этой,
Не смотрел ей внимательно,

Нежно в глаза,
У черемух не мерз до рассвета.
Думал: к счастью еще
Очень долго идти,
Что любовь отыщу — будут сроки! —
Мне казалось: любовь далеко впереди,
На конце очень трудной дороги.
Я спешил через радость
И через печаль
К той далекой любви и чудесной.
И манила она и звала меня вдаль
Песней звонкою, но бессловесной.
...Я не встретил любви.
Мне ее отыскать,
Может, жизни не хватит — не знаю.
Мне пьянеть
От душистых черемух опять,
К лепесткам молодым припадая...

КЕДР

Дружишь ты всегда с седой скалой
И стоишь наедине с собою.
Головой кудрявой, как метлой,
Разметаешь небо голубое.

Зелен кроной даже в пору вьюг,
Песни льешь серебряным потоком,
Гордый кедр, мой вечно юный друг,
Что ты вдруг вздыхаешь одиноко?

Не от дум ли тягостных скорбя,
Ты склонился над скалой уныло?
Может, ветер северный тебя
Гнет, мой кедр, твою ломая силу?

Нет, не гнет — качает лишь порой,
Тучи гладят крону и уходят.
Ты стоишь, вздымаясь над горой,
Ты стоишь, высокий, на свободе...

Пошепчи мне,
я всегда готов
Песню-сказку золотую слушать.

Объясни значение этих слов,
Что мою переполняют душу.

Туча, эй, давай посторонись!
И опасный ветер, злясь и воя,
Кедра не клони и не кружись
Над его кудрявой головою.

СИНИЙ ВЕЧЕР

Синий снег и синий час,
В дымке синей леса иней;
Синий цвет любимых глаз
И поля в тумане синем.

За холмами вдалеке
Спит крылатый ветер нежась,
На твоём воротнике
Звезд серебряная снежность.

Синий вечер, синий час,
Снег на ветках изобильный.
Так сильны сердца у нас,
Что слова сейчас бессильны.

Вдаль уносят нас мечты,
И глаза туманит счастье.
В мире синем я и ты —
След двойной на снежном насте...

Снег растает, время минет —
Не забудем вечер синий.

* * *

Мне радость солнце сыскало,
А сила пришла от земли,
Кедровая чаша ласкала,
И горы меня берегли.

Луна серебром одарила,
Любовь меж цветов расцвела.
А девушка песнь пробудила
И сердце мое обожгла.

* * *

В горах Джайлау колыбель моя,
Поближе к тучам, что плывут высоко.
У края ледников родился я,
Поближе к звездам, где летает сокол.

И сердце я оставил не тая,
В родном краю, где голубые горы.
Там навсегда осталась песнь моя —
В густых лесах,
Где листьев тихий шорох...

Мне этой ночью ничего не надо,
Лишь теплоту любимых нежных рук.
Пусть нет луны,
И звезд сейчас не надо,
Лишь верностью дарил бы друга друг.

Мне этой ночью ничего не надо,
Лишь черных кос знакомый аромат.
Пусть я слова забуду — слов не надо —
Они бессильны, я молчанью рад.

Мне этой ночью ничего не надо.
Грусть и стихи
К чертям готов послать!
Мне и весна бы не была отрадой,
Когда б тебя я мог не повстречать.

Нас эта ночь на век соединила...
Проснулся ветер в листьях тополей...
И утро на востоке проступило —
Горит заря светлее и алей.

Мир колыбелью был мне ночью этой...
Любимая уснула лишь к рассвету.

Вновь надо мною крики журавлей,
И к сердцу грусть
Опять пути сыскала.
Кошмою желтой лег простор полей,
Задумавшись, стоят в молчанье скалы.

О чем кричат, прощаясь, журавли?
О чем, склоняясь, шепчутся колосья?
Что дымка синяя таит вдали?
О чем лепечет рек разноголосье?

Хочу понять, постигнуть все вокруг,
Но от меня поля и лес таятся.
Я слышу песни задушевный звук —
Она без слов, и мне не разобратсья.

На снежных кручах тучи тихо спят.
День кончится — и в гаснущие дали
Умчит их ветер прямо на закат,
Как детство
годы некогда умчали...

Песнь журавлей
Проникла в сердце гор,

С моим — навек осталась
По соседству,
И вот звенит, живая до сих пор,
Звучит во мне
Далекой песней детства.

* * *

Летят над вершинами тучи,
Замглило вдали.
За мглою, за тучей летучей,
Трубят журавли.

В дожде и снежинках колючих.
Все вдаль отошло.
За осенью, словно за кручей,
Осталось тепло.

Стреляют почки, как хлопушки.
Луна, как хлеба каравай.
Поет кукушка на опушке:
— Родимый край не забывай!
Мигают звезды мне устало,
Тоска на сердце — через край.
Гудки гудят на всех вокзалах:
— Не забывай родимый край!
Опять весна стучится в сердце:
— Скорей вещички собирай,
Душе своей и мне доверься —
Не забывай родимый край!

СОДЕРЖАНИЕ

На просеке дружбы. Предисловие Афанасия Коптелова	3
Вспоминая годы огневые	
Огни. Перевод Александра Кухно	11
Коммунист. Перевод Александра Смердова	13
Мы — солдата сыны. Перевод Александра Смердова	15
Коммунары. Перевод Леонида Чикина	17
На родной земле	
Каярлык. Перевод Георгия Кондакова	21
Брат. Перевод Ивана Фролова	23
Чуйская дорога. Перевод Елизаветы Стюарт.	24
Урсульская ГЭС. Перевод Константина Коз- лова	26
Звезда. Перевод Ильи Фонякова	29
На родной земле. Перевод Александра Смердова	30
Сказка и быль о звездах. Перевод Александра Смердова	34

Где начало, где конец Вселенной? Перевод Ильи Фонякова	41
Руки. Перевод Ильи Фонякова	42
Разговор с Чолушманом. Перевод Елизаветы Стюарт	44
У огня. Перевод Елизаветы Стюарт	46
Чолушманка. Перевод Елизаветы Стюарт	48
Горная речка. Перевод Леонида Чикина	50
Конь. Перевод Елизаветы Стюарт	51

От сердца к сердцу

Поэзия. Перевод Ильи Фонякова	55
Моя песня. Перевод Ильи Фонякова	58
Я люблю тебя, Родина. Перевод Ильи Фоня- кова	60
Подснежник. Перевод Елизаветы Стюарт	61
Тандалан. Перевод Елизаветы Стюарт	62
Струны. Перевод Ильи Фонякова	63
Или это мне приснилось? Перевод Ильи Фонякова	64
Я тебя не тороплю. Перевод Ильи Фонякова	65
О тебе. Перевод Елизаветы Стюарт	66
Журавлей не слышно над селом. Перевод Елизаветы Стюарт	68
Черемуха. Перевод Леонида Чикина	69
Кедр. Перевод Елизаветы Стюарт	71
Синий вечер. Перевод Елизаветы Стюарт	73
Мне радость солнце сыскало. Перевод Елиза- веты Стюарт	74
В горах Джайлау колыбель моя. Перевод Елизаветы Стюарт	75

Мне этой ночью ничего не надо. <i>Перевод</i> <i>Елизаветы Стюарт</i>	76
Вновь надо мною крики журавлей. <i>Перевод</i> <i>Елизаветы Стюарт</i>	77
Летят над вершинами тучи. <i>Перевод</i> <i>Леонида</i> <i>Решетникова</i>	79
Стреляют почки, как хлопушки. <i>Перевод</i> <i>Леонида Решетникова</i>	80

Аржан Оинчинович Адаров

ПОДСНЕЖНИК

Составитель *А. Коптелов*

Художник *В. Рублев*

Редактор *А. Журавлев*

Технический редактор *Г. Жданова*

Корректоры *А. Голубицких, Г. Шулякова*

Сдано в набор 9. XI. 1962 г. Подписано к печати 22. XII. 1962 г. Формат $60 \times 84\frac{1}{32}$ —
2,62=2.38 усл. п. л. (2,03 уч.-изд. л.).

АГ 13779. Заказ № 2032. Тираж 3000 экз.

Цена 10 коп.

Алтайское книжное издательство,

Барнаул, пр. Ленина, 76.

Типография № 1 Полиграфиздата,

Барнаул, Льва Толстого, 29.

10 коп.

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963